

ПРОСТО ЦВЕТЫ
ИЛИ КАК
НЕ ЗАБЛУДИТЬСЯ
В ДЕКОРАЦИЯХ

ТИШКОВ ВЛАДИСЛАВ

Владислав Тишков

**Просто цветы или как не
заблудиться в декорациях**

«Автор»

2026

Тишков В. В.

Просто цветы или как не заблудиться в декорациях /
В. В. Тишков — «Автор», 2026

Искусство героини — это алхимия любого чувства: она преобразует печаль в эстетические объекты, даруя другим утешение через красоту жизни. Но этот дар отчуждает её от собственного исцеления. В пространстве зала, где манекены воплощают безмолвное зеркало общества, возникает ключевой вопрос: может ли виртуоз, научившийся превращать чужие переживания в совершенство, применить этот дар к своей душе?

© Тишков В. В., 2026

© Автор, 2026

Владислав Тишков

Просто цветы или как не заблудиться в декорациях

Книга Первая. ЧАС ПРИЗРАКОВ

1. Архивариус сломанных душ

Город тонул в тумане не от мира сего. Плоть снов и кошмаров, выплеснувшаяся за границы спящего сознания, клубилась вокруг фонарей, превращая их свет в мутные, болезненные нимбы, заползала в переулки и укутывала асфальт серебристым саваном. На скамейке, забытая кем-то в спешке, лежала раскрытая книга. Страницы её разбухли от влаги, и чернила расплылись в нечитаемые узоры, похожие на карты исчезнувших миров. У входа в метро одиноко раскачивалась от ветра детская коляска — пустая колыбель, в которой осталось лишь эхо чьего-то смеха.

Тиканье часов доносилось не из какого-то конкретного здания. Оно сочилось из самих стен, струилось из дренажных решеток под ногами. Это был метроном, отсчитывающий ритм часа призраков. 4:17 утра. Момент, когда ночь достигала своей максимальной плотности, а граница между сном и явью истончалась до состояния паутины.

Сквозь эту паутину, почти не касаясь земли, скользило око восприятия. Взгляд души, отделившейся от тела. Он парил над крышами, где голуби, застывшие в неестественных позах, напоминали скульптуры, воздвигнутые в честь забытых богов. Своими бездонными очами он скользил над карнизом, где одинокий кот с маниакальным упорством вылизывал лапу, словно пытался стереть с шерсти пятно несуществующей грязи.

Внизу, один за другим, умирали фонари. Издыхали с тихим потрескиванием и короткой, жалобной вспышкой финального протеста. С каждой смертью света тьма сгущалась, становясь ещё более осязаемой.

Наконец, взгляд души остановился.

Витрина.

Стекло было покрыто изморозью, сквозь которую пробивался таинственный, приглушенный свет. Надпись вычурным шрифтом, стершаяся временем, гласила: «Салон Иллюзий».

За стеклом, в центре композиции, покоился Цветок.

Прекрасен и чудовищен одновременно. При ближайшем рассмотрении становилось ясно: его бархатные, живые лепестки были сшиты из крошечных фрагментов других, давно умерших цветов. В его сердцевине мерцали хрустальные капли — застывшие, окаменевшие слезы.

Пульсация была медленной, ленивой, имитацией жизни, лишенной её сути. Изогранный муляж, симулякр в красивой оправе.

Вокруг него лежали осколки зеркал, отражающие внутреннее убранство салона. В них застыли искаженные фрагменты чужих воспоминаний: чья-то улыбка, оборвавшаяся на полуслове, отсвет далекого праздничного бенгальского огня, тень забытого жеста. Туфля без пары стояла неестественно ровно, снятая с невидимой ноги. Связка пожелтевших писем, перевязанная лентой, и на некоторых конвертах чернила расплылись от влаги, оставив следы, похожие на запечатанные слезы.

И был там ещё один след — изнутри стекла. Четкий отпечаток ладони. Небольшой, изящный, женский. Казалось, кто-то отчаянно пытался вырваться из заточения в этом мире иллюзий, но не смог.

Внутри салона воздух был густым и сладковато-приторным. Пахло увядающими орхидеями, ладаном и пылью, но под этим скрывалось что-то другое — металлический привкус разбитых надежд, который оседал на языке и легкой тяжестью ложился на грудь.

Пол был усыпан пеплом сожженных любовных писем, фотографий, высушенных цветов. Шелковистая мелочь, пахнущая горьким миндалем.

Из тени, чернее прочих теней, возникла она. Материализовалась из тьмы, рожденной своим дыханием.

Элиана.

Её платье цвета высохшей крови при ближайшем рассмотрении оказывалось покрытым тончайшей паутиной серебряных нитей, оплетенное слезами. Кожа освещалась бледностью, как фарфор, но сквозь неё, казалось, просвечивала внутренняя тьма. А в глазах... отражался не свет, а тень. Если заглянуть в них, то можно увидеть отблеск того самого сожженного сада, что существовал лишь в её снах.

Она держала ножницы. Рукоятки были выкованы в виде стеблей терновника, а лезвия черные, матовые, поглощающие свет, холодные на ощупь, даже если держать их часами.

Её движение было бесшумным. Она провела пальцем по стеклу напротив Цветка, и стекло в этом месте растаяло, как лёд, позволив ей просунуть руку внутрь.

Она взяла Цветок. Её пальцы сомкнулись вокруг стебля, срезанного через мгновение.

Звук разрезания был тихим вздохом. Стоном.

Цветок заплакал. Капли, похожие на жидкую ртуть, стекали по её ладони. Они скатывались на пол и застывали там маленькими серебряными бусинами.

«Чем реже снятся мне сны, тем они ценнее... — прозвучал внутри неё голос, тихий и без интонаций. — Они становятся плотнее, как выдержанное вино. В них можно утонуть. Но даже самые прекрасные сны — это лишь цветы иллюзий. Вырванные с мясом. Прямо из сердца. А сердце потом зарастает шрамами, и новые цветы сквозь них уже не прорастают.»

Она сжала Цветок в руке.

И тогда его лепестки зашептали голосом, обращавшимся к ней напрямую, который знал все её тайны.

«Ты даришь другим то, что сама не можешь удержать... — прошипел он, и каждый звук был подобен уколу булавки. — Боишься, что если удержишь, то увидишь — мираж, и твои руки снова окажутся пусты.»

Элиана лишь сильнее сжала пальцы, чувствуя, как бархат лепестков превращается под её прикосновением в ледяную пыль.

За окном, покинутый ею мир цеплялся за подол её платья. Начинался новый день. Здесь, в салоне «Иллюзий», время остановилось. Оно застыло в ожидании следующего клиента, следующей боли, которую предстояло упаковать в красоту.

Это была единственная правда, оставшаяся у ювелира отчаяния.

2. Зеркало, которое не лжет

Сумерки за окном густели, превращаясь в синее чернильное пятно, поглощающее очертания домов.

Стены-зеркала были разными. Одни — волнистые, как на старинном стекле, искажающие формы до гротеска. Другие покрывала паутина, сквозь которую проступали возраст и печаль. Отражавшие внутренние миры. Войдя сюда, человек видел не себя, а проекцию своих самых сокровенных тревог, желаний, незаживших ран, словно душа проявлялась в виде визуального шепота.

Потолок украшало нарисованное мелом небо. Работа самой Элианы. Облака статичные, идеальные, но если долго смотреть, начинало казаться, что они плывут, а звезды мерцают. Иллюзия, созданная тончайшими вкраплениями светящейся в темноте пыли.

На центральном столе из отполированного до зеркального блеска черного мрамора были разложены инструменты ее труда. Изящные сосуды причудливых форм хранили в себе самую суть человеческих чувств:

Ампулы со слезами разного оттенка. Прозрачные (от горя), молочно-белые (от обиды), с золотистыми искрами (от былой радости). Маленькие урны из обсидиана, наполненные пеплом от писем, фотографий, тканей. Каждая урна была подписана на языке, понятном только Элиане. Хрустальные пузырьки с переливающейся пылью бабочек — символом хрупких, недолговечных мыслей, собранных в лунные ночи.

Дверь салона открылась с тихим скрипом. В проеме возникла фигура женщины.

Ее звали Вера. Женщина лет сорока, в трауре. На ней черное платье, выглядело так, будто было вырезано из куска ночи, лишено звезд. На шее висела тонкая серебряная цепочка с крошечным медальоном в форме сердца, который она постоянно теребила нервными пальцами. Ее глаза были опухшими от слез, но самих слез уже не было, только сухая, соленая пустыня боли.

Унесенная течением собственного горя. Воздух вокруг нее стал холоднее, чем в остальном помещении.

«Я хочу... чтобы он вернулся. Хотя бы в моих снах. Я больше не могу засыпать одна. Тишина... она давит. А в тишине я слышу, как он смеется. И это хуже, чем плач.»

Элиана смотрела на Веру, и ее взгляд был полон холодного, безжалостного понимания природы этих переживаний.

Затем подошла и взяла Веру за руку. Ее прикосновение было касанием гладкого речного камня, отполированного временем. Не говоря ни слова, она повела ее к самому большому зеркалу в глубине зала, к Зеркалу Души.

Его рама из обожженного серебра была покрыта сложной вязью — миниатюрными сценами человеческих страданий и восторгов, выгравированными с пугающей точностью. Само стекло не отражало свет, а поглощало его. Это был вход в другую реальность.

Элиана мягко подтолкнула Веру к зеркалу. «Посмотри.»

Вера подняла голову и вскрикнула, отшатнувшись. В зеркале отразилась не она. Там, в мутной глубине, обнаженная, алебастровая грудь покрылась тонкой паутиной трещин, из которых сочилась не кровь, а тусклый, угасающий свет. Из самых глубоких ран медленно прорастали цветы. Их стебли черные и колючие. Бутоны — тяжелые, склоненные к земле. Один бордовый цветок с бархатными лепестками уже почти распустился и пульсировал в такт несущему сердцу. Это была ее невысказанная, законсервированная любовь.

«Вы просите о возврате, — голос Элианы прозвучал прямо за ее спиной, ровный и безжалостный, — но возврата нет. Есть только эхо. Вы хотите прощание в форме надежды. Это больше и... красивее. Красота — одна из форм лжи, в которую мы соглашаемся верить.»

Вера смотрела на свое искаженное отражение, и по ее щеке, наконец, скатилась единственная слеза.

Элиана молча развернулась и ушла в свою мастерскую, скрывшись за черной бархатной портьерой.

Мастерская была небольшой комнатой, где воздух насыщался густыми, тяжелыми ароматами. Отсутствовали зеркала. Стены были заставлены полками с ингредиентами, каждый на своем месте.

Элиана приступила к ритуалу.

1. Слезы. Она выбрала ампулу с молочно-белыми слезами обиды. Отмерила ровно три капли в фарфоровую ступку.

2. Пепел. Щепотка пепла из урны, подписанной «Невысказанное». Пепел искрился, попадая в ступку, словно в нем тлели последние угольки когда-то пылающих чувств.

3. Кровь. Быстрым, точным движением Элиана прокалывала кончик своего пальца черной булавкой. Темная капля крови, почти фиолетовая, падала в смесь. Акт жертвоприношения, связывающий иллюзию с ее создательницей.

4. Пыльца. Щепотка ирирующей пыльцы цвета угасшего заката.

Она растирала состав пестиком. Сначала ничего не происходило, потом смесь начала светиться изнутри тусклым фосфоресцирующим светом. Далее высыпала его на квадрат черного шелка и свернула особым образом, ее пальцы двигались с автоматической точностью.

Из свертка, будто из кокона, медленно появился цветок иллюзии. Он был хрупким, его лепестки полупрозрачны, как старая кожа, и пронизаны тончайшими золотыми нитями. Ослепительная красота, но от него исходил слабый и в то же время отчетливый запах горького миндаля — признак его ядовитой природы.

Вера уходила из салона, прижимая букет к груди, как новорожденного ребенка. Она вышла на улицу, где начинался «дождь из конфетти» — яркий, бессмысленный, карнавальный.

Элиана стояла в дверях салона, глядя ей вслед.

«Иллюзия — не ложь, — звучал ее внутренний монолог. — Это правда, которую человек не готов принять. Горькое лекарство, которое он отказывается глотать. Поэтому он просит его украсить. Позолотить горькую пилюлю. И я украшаю.»

Ничего не оставалось, как только скрыться в темноте салона. Дверь за ней бесшумно закрылась. Снаружи продолжался дождь из конфетти, веселый и трагический в одночасье, а в салоне «Иллюзия» вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь тиканьем невидимых часов и шепотом собственных демонов.

3. Тень без отражения

Глубокая ночь. Город за окном окончательно замер, и только одинокий фонарь через улицу отбрасывал в окно салона длинные, искаженные тени, медленно ползли по стенам, словно часовые, охраняющие покой спящего мира.

В салоне царила иная тишина, чем днем. Пространство затаило дыхание в ожидании чего-то важного. Воздух стал тяжелее, запах ладана и пыли сменился запахом озона, как после грозы, и влажной земли.

Дверь салона открылась беззвучно, будто кто-то смазал ее петли призрачным маслом.

В проеме возникла фигура мужчины.

Лавр. Ему на вид можно было дать лет двадцать пять. Старомодный костюм из тонкой шерсти, идеально выглаженный, но с заломом на воротнике, выдающим долгое хранение в дорожном саквояже.

Он появился, нарушив привычную физику помещения. От его лоферов исходил едва уловимый аромат старого паркета, воска для мебели и чего-то древнего — возможно, пыли с

фолиантов, которые никто не открывал десятилетиями. Казалось, он прошел сквозь время, а не по городским улицам.

«Мне сказали... вы создаёте то, чего нет, но что должно быть. Мне сказали, вы умеете оживлять тени.»

Он сделал шаг вперед. Его тень от фонаря за окном легла на пол, но у этой тени была неправильная форма. Слишком вытянутая, бесформенная, и у нее не было лица.

Элиана не двигалась с места, стоя в центре зала. Она изучала его как аномалию. Ее взгляд скользил по его костюму, по обуви, задерживался на его руках, на длинных пальцах, которые он держал чуть согнутыми, словно готовясь что-то взять или сыграть на невидимом пианино.

«Вам не нужна тень? Вы в ней уже живёте. Вы и есть тень. Призрак. Или тот, кого ищут призраки.»

Она медленно подошла к нему, не спуская глаз. Потом указала взглядом на Зеркало Души. «Подойдите.»

Лавр послушно подошел к зеркалу. Его отражение поднималось из тьмы, но...

В зеркале была пустота. Там, где должен был быть он, лишь размытый силуэт, пятно тумана на стекле. Ни лица, ни эмоций, ни внутреннего мира. Только легкая рябь, будто от камня, брошенного в воду призраком.

Лавр смотрел на свое не-отражение без удивления, лишь с легкой, застарелой горечью в уголках губ.

«Я так и думал. Я давно не вижу себя в зеркалах. Но я вижу других.»

Он поворачивается к Элиане. Его рассказ был не монологом скорби, а спокойным, методичным изложением загадки, не дававшей ему покоя.

«Мой брат, Леон, исчез. Оставил только две вещи.»

Он достал из внутреннего кармана пиджака старую черно-белую фотографию. На ней был изображен молодой человек, похожий на Лавра как две капли воды. Такого же разреза глаз, той же линии губ, но во взгляде мягко таилось тепло, жизнь, любовь, обращенная к тому, кто стоит за кадром. Любовь, которой Лавр, по его словам, никогда не знал.

Второй предмет — кулон. Простой, овальный, из тусклого серебра. Внутри — крошечный засушенный цветок, неузнаваемый, превратившийся в пыль.

«Я ношу этот кулон, — Лавр сжал его в ладони. — Иногда мне кажется, что он теплый. Иногда — что он стучится о мою грудь, как сердце, которое не мое. Я смотрю на эту фотографию и не понимаю... Это он? Или я? Или... мы оба — чья-то мечта? Чей-то сон, который скоро закончится?»

Реакция Элианы была неожиданной. Она взяла кулон. Ее пальцы, обычно такие уверенные, дрожали. Прикосновение к нему вызвало в ней вихрь чужих образов: беззаботный смех в другой комнате, звук рояля, резкая боль от пореза бумагой, теплый запах яблочного пирога. Все они яркие, как вспышки молнии, обрывки чужой, но такой живой памяти.

В ее глазах было узнавание. Она видела в нем родственную душу, застрявшую в том же междумирье, что и она.

Ее голос стал тише, чем обычно, в нем слышалась собственная, давно похороненная боль. «Ты обманываешь себя, призрак. Ты ищешь себя. Того, кем мог бы быть... если бы не боялся быть настоящим. Если бы не предпочел удобную, бесцветную тень — рискованной, живой плоти. Твой брат не исчез. Он живет в том мире, от которого ты отказался. В мире чувств.»

Произнеся это, Элиана резко отворачивается от Лавра и случайно встречает свой взгляд в Зеркале Души.

И видит: ее собственное отражение. На ее голове — свадебный венец из черных роз и колючей проволоки. А в глазах отражения — бездонный ужас и покорность судьбе.

Шёпотом, почти неосознанно, глядя в свое искаженное отражение, она произносит фразу, явно обращенную к ней самой: «Выброси это кольцо и забудь, что сказала "да"...»

Сжав кулон в ладони, а ее собственное отражение в зеркале медленно тает, уступая место тьме, в которой плавает одинокий свадебный венец.

Лавр положил фотографию обратно в карман и взял из ее раскрытой ладони кулон.

«Кажется, я пришел не по адресу. Или пришел как раз туда, где нужно.»

Элиана не ответила. Она смотрела в почерневшее зеркало, в ту самую тьму, что была ей теперь роднее любого отражения.

4. Сон с растущими шрамами

Сад, где каждый лепесток был памятью, каждый стебель — прожитой жизнью. Хор кричащих душ вместо райского уголка.

Элиана стояла посреди пейзажа, материализованного подсознанием. Пространство жило по законам сюрреализма и эмоциональной логики. Воздух был вечностью, сжатой в один мучительный миг.

Вокруг нее росли все цветы, которые она когда-либо создала для других. Цветок «Несбывшейся Любви» обвивался вокруг черной решетки, издавая тихий, похожий на скрип свинца, стон. Цветок «Упущенной Надежды» тянулся к небу пепельными лепестками. Они осыпались от любого дуновения, но тут же вырастали вновь. Цветок «Несказанного Прощения» был прозрачен, как лед, и внутри него застыли капли, похожие на слезы.

Потом весь этот сад сторел. Не огнем, а внутренним жаром стыда и отрицания. Почва под ногами была черной, растрескавшейся. Стволы деревьев обуглены, но до сих пор стояли, как

мученики на кострах своих несбывшихся жизней. Воздух густой от запаха гари и сладковатого, тошнотворного аромата сторевающего сахара — метафоры сожженных сладких обещаний.

Посреди этого пепельного пейзажа, на небольшом возвышении, лежало ее собственное сердце, воткнутое в землю, как семя. Живое, билось неровно, прерывисто, и с каждым ударом из трещин в почве выползали новые черные ростки.

Из верхней камеры сердца прорастал Цветок. Полностью идеален в своей форме, совершенен и прекрасен, будто сама Иллюзия. Его лепестки из бордового бархата и хрусталя, точно такие же, как в витрине салона, и от него исходила смертельная, леденящая аура. Квинтэссенция всех ее самообманов.

И тогда раздался Голос. Он звучал не извне, а внутри ее черепа и грудной клетки. Ее собственный голос, искаженный, ядовитый, насмешливый, знающий все ее слабые места.

«Ты даришь другим то, что сама не можешь удержать... Потому что пустые руки легче скрестить на груди в позе защиты. И если удержишь, придется признать: это не вечно. Все, к чему ты прикасаешься, превращается в красивую пыль. Как и ты сама.»

Цветок медленно поворачивался, впитывая внимание, наслаждаясь ее мукой.

«Ты боишься, что оно уйдет. Как ушли все, кого ты любила. Но скажи мне, иллюзионистка: а испытала ли ты эту любовь по-настоящему? Или ты и ее создала из пепла, слез и пыльцы, чтобы не быть одной в своей изначальной пустоте?»

Элиана не могла пошевелиться. Ноги вросли в пепельную землю, словно корни. Она пыталась крикнуть, что это неправда, но из ее горла вырывался лишь шепот, который тут же крали ветры ее сна.

Голос Цветка провоцировал каскад болезненных воспоминаний, пронесившихся перед ее внутренним взором, сменяя друг друга и становясь кадрами старой, изношенной пленки:

Свадебное платье, белое и невесомое, но вдруг тяжелеющее и тянущее ее на дно, в темные, илистые воды безысходности.

Кольцо на ее пальце, которое внезапно сжималось, впиваясь в кожу, оставляя кровотокающую полосу — метку собственности, ставшую оковой.

Пустой балльный зал, где она одна кружилась под насмешливый, визгливый скрип невидимого смычка, а с потолка на нее смотрели пустые глазницы хрустальных люстр.

Зеркало, в котором отражалась не она, а другая женщина — улыбающаяся, счастливая, с тем, кто должен был быть ее мужем. И ее собственное лицо на заднем плане — прозрачное, призрачное, стирающееся рисунком на песке.

Она смотрела на свое сердце, из которого рос этот прекрасный монстр, и понимала, что это и есть источник всех ее «Цветов Иллюзий» — ее собственная, невылеченная, загнанная внутрь боль, которую она научилась умело упаковывать в красоту и продавать.

«Цветы иллюзий — это не беда...» — прошептала она, но уже не во сне.

Элиана проснулась. Резко, с глубоким, прерывистым вдохом, как будто ее только что вытащили из-под воды. Лежала в своей холодной постели, вся в поту. Простыня была влажной и холодной, как саван.

Руки на груди заглушали бешеный, животный стук живого, незащищенного сердца.

«...Но их не стоит никому дарить... особенно себе», — договорила она уже в тишине своей спальни.

Проснувшись, Элиана пыталась удержать в памяти эту клятву, пока утро не смыло ее остатками сна.

За окном — первые признаки рассвета, но свет его казался чужим и не сулящим утешения. Она лежала и смотрела в темноту, и эта темнота казалась ей честнее, чем любой из созданных ею цветов. В ней не было ни обещаний, ни лжи. Только правда пустоты, которую ей предстояло научиться называть своим именем.

5. Последний цветок

Полнолуние в зените. Лунный свет вторгался навязчивым, холодным гостем. Лучи ложились на пол гипнотическими узорами, превращая пространство в гигантскую камеру-обскуру. Здесь, в этом ритуальном пространстве, пахло озоном и пылью веков.

Зал был приговорен. На полу мелом и углем был нарисован сложный концентрический круг, испещренный алхимическими символами и обрывками фраз на мертвых языках. Печать, призванная удерживать темные чувства внутри, не давая им расползтись по миру.

В центре круга, на пьедестале из обломков мраморных колонн, стояло Зеркало Души. Оно выглядело иначе, чем в салоне: его рама из обожженного серебра почернела, а стекло стало мутным, непрозрачным, как застывший дым. По периметру, безмолвными свидетелями, замерли манекены в позах отчаяния и экстаза, одетые в лохмотья былой роскоши. Их стеклянные глаза отражали лунный свет, создавая иллюзию пристального, всевидящего внимания.

Элиана появилась из тени, опять материализовавшись из самого мрака. На ней было ее платье цвета высохшей крови, но теперь видно было, что оно сшито из множества лоскутов — каждый лоскут был частью другого платья, другой жизни, другой иллюзии, той, что она когда-то создала.

Ее босые ступни ступали по холодному полу, и с каждым шагом на коже оставались светящиеся следы-символы, которые тут же исчезали, впитываясь в печать круга.

В руках она держала свои ножницы из черного железа, и от них исходил едва слышный гул, словно они вибрировали в унисон с музыкой всего мира.

Она медленно обошла круг по периметру. Там, где она проходила, из пола на мгновение прорастали призрачные стебли с бутонами — призраки всех ее творений. Они тут же рассыпались в прах, прощались, отдавали долг.

Перед Зеркалом ее дыхание было ровным. Страх, терзавший ее годами, уступил место холодной, безжалостной решимости. Она дышала на стекло. На запотевшей поверхности на мгновение проступили лики всех, кому она когда-то подарила иллюзию, — Веры, десятков других безымянных страдалцев, — а затем они исчезли, стерты ее волей.

И вдруг в зеркале была концентрированная версия ее боли. Ее двойник.

Свадебное платье двойника было соткано из света и инея, и оно стягивало кожу, как панцирь, оставляя красные рубцы. На голове — венец из черных роз и колючей проволоки, с которого капала темная, липкая субстанция, оставляющая на плечах подобие слез. Лицо Двойника — маска трагедии, в глазах — бездна, и в ней тонули звезды.

ДВОЙНИК (голос — многоголосый шепот, звучащий из всех углов зала): «Ты все еще веришь, что можешь что-то исправить? Ты архивариус сломанных душ. Собираешь осколки и вправляешь их в новые оправы, выдавая за драгоценности. Даришь другим костыли из снов, потому что сама разучилась ходить. Любовь — не дар. Это долг. А ты не можешь заплатить даже по собственным счетам.»

Элиана не оправдывалась. Ее лицо стало маской той самой решимости. Она сжала ножницы так, что костяшки пальцев побелели.

«Я больше не буду прятать свою суть под красотой, — сказала она, и ее голос, чистый и одинокий, эхом отразился в зале.»

Она сделала шаг вперед в зазеркалье. Стекло поглотило ее.

Внутри отражения царила абсолютная тишина и пустота, нарушаемая только биением двух сердец: ее настоящего и сердца Двойника. Они стояли друг напротив друга в мире, где не было ничего, кроме их общей и в тот же час разделенной агонии.

Элиана подняла ножницы. Ритуальное, выверенное движение жрицы, приносящей последнюю жертву.

Она вонзила их себе в грудь.

Крови не было. Только свет. Ослепительный, бело-золотой, как внутренность звезды. Он хлынул из раны, заливая все вокруг, растворяя манекенов-свидетелей, смывая с пола сложные рисунки печати. Свет невыносимой, очищающей правды.

Из раны, из самого источника этого света, медленно вырастал цветок. Ее собственный, последний Цветок Иллюзии. Он не был похож на другие. Его стебель был из черного, отполированного обсидиана. Плотные и материальные лепестки из того же звездного света, что исторгся из раны. В его сердцевине пульсировала единственная, идеально круглая капля сгущенной тишины. Цветок-антитеза, цветок принятия и молчаливой силы.

ЭЛИАНА (шепотом, глядя на цветок, растущий из ее груди): «Я больше не буду прятать боль под красотой. Я стану болью... приму ее. Я буду ею дышать. И тогда она перестанет быть болью... станет... правдой. Чтобы больше никто не страдал из-за моих иллюзий.»

Она стояла, освещенная изнутри, в эпицентре светового вихря, с цветком, растущим из ее груди.

А вокруг эхом звучали шепоты тысяч голосов. Всех, кто когда-либо покупал ее цветы. Они сливались в один мощный хор, нашептывая единственную, главную мантру: «Не дари никому разбитое сердце... Не дари... Не дари...»

И в этой какофонии был ее единственный путь к спасению.

6. Первые шаги к новой жизни

Очнулась Элиана на холодном каменном полу незнакомого помещения. Свет бил в глаза. Пыльный свет, пробивающийся сквозь зарешеченное окно под потолком. Подсобка, пахнущая мышами, старой бумагой и слабым, но стойким ароматом ее же ладана. Видимо, кто-то из слуг или случайных свидетелей ритуала нашел ее и оттащил сюда, подальше от глаз.

Боль пришла не сразу. Сначала было оцепенение, будто все нервы перерезаны теми самыми ножницами. Затем сквозь онемение прорвалась тупая, ноющая пульсация в груди. Она скользнула рукой под платье — кожа цела, но под ней, прямо над сердцем, зрела гематома, огромная и страшная, повторяющая форму рукояти ножниц. Чувство опустошенности, будто из нее вынули не орган, а нечто более важное, оставив лишь холодную, звонкую пустоту.

Она лежала и смотрела в потолок, по которому ползли тени. Внутри ничего не осталось. Ни страха, ни отчаяния, ни даже той горделивой уверенности, что вела ее на ритуал. Была только усталость. Усталость титана, державшего небо и наконец-то сбросившего эту ношу.

Дверь скрипнула. В проеме возникла тень. Фигура была низкой, коренастой. Хозяйка этого места, что ли? Женщина в темном, простом платье, с лицом, испещренным морщинами.

«Очнулась. Думала, все кончится. Уже и знахаря искать хотела.»

Элиана не ответила.

«Мужик один тебя приволок, — продолжала женщина, подходя ближе и с любопытством разглядывая ее. — Сказал, деньги заплатит, чтоб присмотрели. Станный какой-то. В плаще, лицо не разглядеть. Бросил монет и исчез. Как сквозь землю.»

Лавр. Мысль пронеслась тусклой искрой.

«Что с залом тем?» — наконец прошептала Элиана, и ее голос прозвучал чужим, сорванным.

«А ничего. Пусто. Только пыль да осколки. Зеркало, говорят, треснуло. Вся рама почернела. Никому теперь не нужно оно.» Она помолчала, потом спросила с нескрываемым любопытством: «А ты кто такая будешь? Колдунья, что ли? Гадалка?»

Элиана медленно села. Голова закружилась, в глазах потемнело, и снова почувствовала ту самую пустоту в груди. Но теперь — нейтральную. Как чистый холст.

«Нет. Я больше этим не занимаюсь.»

Она поднялась на ноги, шатаясь. Хозяйка подала ей кружку с водой. Элиана выпила залпом, чувствуя, как холодная влага растекается по опустошенному телу.

«Мне нужно... куда-нибудь уйти.»

Хозяйка пожала плечами. «Дела твои. Только смотри, не помри на улице. Властям потом объясняйся.»

Элиана вышла из подсобки на узкую, грязную улочку. Утро было серым, бесцветным. Город шумел своей обычной, будничной жизнью, совершенно не интересуясь ее драмой.

Она посмотрела на свои руки. Пустые. Ни цветка, ни ножниц. Только следы пыли и саж от ритуального круга.

«Я больше этим не занимаюсь», — повторила она про себя.

7. Шепот в пустоте

Элиана шла, не разбирая дороги. Ноги сами несли ее вперед. В них осталась память тела, знавшая путь к той части города, где не было роскошных витрин.

Здесь пахло иначе. Не дорогими духами и кофе, а пылью, жареным маслом из забегающих и сладковатым душком перезревающих фруктов на развале. Здесь не пытались казаться тем, кем не были. Убожество и бедность были выставлены напоказ так же откровенно, как и роскошь в центре.

Элиана остановилась у небольшого, визуально игрушечного моста, переброшенного через мутный канал. Она оперлась о перила, глядя в маслянистую воду.

Она вспомнила слова, которые родились в ней во время ритуала: «Я стану болью. Я приму ее. Я буду ею дышать». Сейчас эти слова обрели новый смысл.

Из кармана своего платья, того самого, цвета высохшей крови, Элиана вынула несколько серебряных бусин — застывших слез Цветка из витрины. Последние крохи ее прошлой жизни. Перебрала их в ладони.

«Прошрое, как эти бусины. Твердое, законсервированное. Его можно перебирать, но нельзя изменить.»

Она разжала пальцы. Бусины одна за другой упали в темную воду канала. Всплесков почти не было слышно. Они исчезли, унесенные медленным течением. Последняя плата за выход из лабиринта иллюзий.

Свобода оказалась страшной и неудобной. В ней не было ориентиров, «Салона Иллюзий», клиентов, ритуалов. Была только она и тишина.

Звуки города. Гудок автомобиля, крик торговца, лай собаки. Потом она начала различать оттенки. Слышать усталость в голосе женщины, носившей тяжелую сумку. Слышать скрытую тревогу в смехе двух молодых людей и безнадежность в монотонной песне нищего старика.

Где жить? На что существовать? Эти вопросы висели в воздухе. Они не вызывали в ней опасения или страха. Было чувство, что ответ придет. Не извне, а из той самой тишины, что поселилась в ее груди на месте вырванного сердца.

Она повернулась и пошла вдоль канала, вглубь этого непарадного города. Ее платье цвета крови выделялось на фоне серых стен, но она не пыталась его скрыть.

Пустой сосуд впервые за долгие годы готов принять в себя что-то настоящее. Пусть даже это «что-то» будет горьким, как полынь. Лишь бы оно не было ложью.

8. Пристанище «У Забытого Эха»

Ноги сами привели ее к невзрачной двери, почти скрытой в глубине арки, с которой осыпалась штукатурка. Над дверью висел выцветший от солнца и дождей фанерный щит с едва читаемым названием: «У Забытого Эха». Из-за двери доносился приглушенный перезвон посуды и смутный гул голосов — пристанище для тех, кто потерял ориентиры, но еще не окончательно сдался.

Элиана вошла внутрь. Сложный и густой воздух ударил в лицо, как архивная пыль на старых фолиантах. Пахло темным шоколадом, ванилью от только что вынутых из печи булок и едва уловимым, горьковатым ароматом шампанского, которое здесь, судя по всему, не пили уже десятилетия, но чей дух впитали в себя стены.

Пространство было небольшим, заставленным темным деревом. В углу, на подставке, старый патефон играл потрескивающую мелодию, словно жалуясь на былые времена. В камине потрескивали поленья, скорее для уюта, чем для тепла. За столиками сидели одинокие фигуры, каждый в своем молчаливом узилище. Никто не смотрел на нее с любопытством. Здесь, казалось, уважали право на невидимость.

Она выбрала столик в самом углу, под витражом, изображавшим улетающую птицу с разбитым крылом. Сев, впервые за долгие часы позволила себе полностью расслабиться. Усталость накатила волной, тяжелой и теплой.

К ее столику подошла женщина лет пятидесяти, в обычном темном платье и фартуке.

«Впервые у нас?» — голос у нее был низким, хрипловатым.

Элиана кивнула.

«Чай. Крепкий.»

Женщина — хозяйка или официантка, было неясно — молча кивнула и удалилась. Элиана закрыла глаза, прислушиваясь к звукам. Переливы джаза, шипение раскаленной кофеварки, тихий перезвон ложечек в фарфоровых чашках.

Она сидела так, возможно, минуты, возможно, час, постепенно оттаивая изнутри. И вдруг ее взгляд упал на столик в противоположном углу. Там сидел он.

Лавр.

Обычная льняная рубашка песочного цвета делала его моложе и... человечнее. Пар давно перестал подниматься над чашкой. Он выглядел человеком, который несет в себе тяжелую, неразрешимую загадку и не знает, что с ней делать.

Элиана не удивилась. Казалось, в этом месте, «У Забытого Эха», были возможны любые встречи. Оно было точкой пересечения для потерянных душ.

В его глазах не было узнавания, не было вопроса. Было пустое, уставшее зеркало, в котором она увидела отражение собственной опустошенности.

Его пальцы нервно застучали по столу. Он что-то решал. Какой-то следующий шаг в своем бесконечном поиске.

Элиана отпила еще глоток чая. Горечь уже не казалась такой резкой. Она становилась привычной. Как и эта новая, лишенная магии жизнь.

Она поняла, что не хочет возвращаться в «Салон Иллюзий». Тот путь был окончен. А этот только начинался. И она не знала, куда он ведет. Знал только «Забытое Эхо», хранящее в своих стенах шепоты всех потерянных душ, что искали здесь пристанище. И сейчас их шепоты сливались в один тихий, успокаивающий гул, говорящий лишь одно: «Ты не одна.»

9. Бремя пустоты

Элиана не знала, сколько просидела так, растворяясь в звуках кафе и собственном онемении. Когда она подняла голову, столик Лавра был уже пуст. На нем осталась лишь чашка с недопитым холодным чаем — немой свидетель его краткого присутствия. Исчез так же бесшумно, как и появился.

Хозяйка, которую звали тетя Агата, подошла к ее столику с подносом, на котором стояла тарелка с домашним овощным супом и ломтем темного хлеба.

«На, — сказала она коротко, ставя еду перед Элианой. — Не пропадать же человеку.»

Элиана хотела возразить, что у нее нет денег, но тетя Агата лишь махнула рукой.

«Расплатишься, когда будет чем. У меня тут не богадельня, но и не каменное сердце.» Она окинула Элиану испытующим взглядом. «Видать, нелегкая тебя принесла. Поешь, силы собери.»

После еды силы и правда понемногу вернулись. С ними вернулось и осознание реальности. Ей негде было ночевать. Деньги иссякли. «Салон Иллюзий» был для нее мертв, и возвращаться туда значило снова наступить на ту же грабли самообмана.

Тетя Агата, вытирая бокал за стойкой, словно почувствовала ее смятение.

«Место для ночлега нужно?»

Та молча кивнула.

«Есть комната наверху. Маленькая. Без удобств. Раньше моя дочь там жила, пока замуж не вышла. Сейчас пустует. Можешь пожить, пока не встанешь на ноги. Будешь по утрам мне помогать — посуду мыть, полы подметать. За работу и кров сочтемся.»

Деловое предложение, выгодное обеим сторонам, и Элиана его оценила.

Комната и правда была крошечной, под самой крышей, с одним слуховым окном, через которое был виден кусочек вечернего неба. Пахло старым деревом, сушеными травами и пылью. Железная кровать, комод, стул и умывальник с кувшином. Ничего лишнего. Никаких зеркал. Никаких намеков на прошлую жизнь.

Она легла на жесткий матрас и укрылась простым, грубым одеялом. Сквозь приоткрытое окно доносились ночные звуки города: далекий гудок поезда, лай собаки, чьи-то приглушенные шаги.

Под кожей пульсировала гематома — след ее последней иллюзии. Боль была терпимой. Напоминанием. Якорем, не дававшим ей уплыть в небытие.

«Я здесь. Я существую.»

10. Утро первой реальности

Ее разбудил настойчивый, земной звук — крик петуха с соседнего двора, за которым последовал шум развозящих молоко телег и громкие, сочные возгласы торговцев, открывающих свои лавки.

Солнечный луч, пыльный и тяжелый, пробивался сквозь слуховое окно, ложась на ее лицо теплым пятном. Элиана лежала с открытыми глазами, слушая эту симфонию пробуждающейся жизни. Не было привычного чувства опустошения после ночных кошмаров. Не было и тягучей тоски, сопровождавшей ее каждое утро в «Салоне Иллюзий». Лишь легкая одеревенелость в теле и та самая, знакомая теперь пульсация в груди — ее личный метроном, отсчитывающий ритм новой, трезвой реальности.

Она поднялась, и холодный воздух комнаты заставил ее вздрогнуть. Подойдя к кувшину, она плеснула воды в таз и умылась. Вода была ледяной, обжигающей. Отражение в темной поверхности воды — смутные, искаженные черты, лишённые привычного флера таинственности.

Спустившись вниз, она застала тетю Агату за приготовлением завтрака для редких постояльцев.

«А, жива, — бросила та, помешивая что-то в кастрюле. — Бери тряпку, протри столешницы. Потом посуду с вечера вымой. За ночь ее скопилось.»

Пока Элиана работала, в кафе понемногу начали появляться первые посетители. Пожилой мужчина с газетой, который заказал кофе и надолго уткнулся в новости. Две женщины, оживленно обсуждавшие соседские сплетни. Молодой парень, с жадностью уплетающий булку с маслом.

Тетя Агата, проходя мимо с подносом, бросила на нее оценивающий взгляд.

После работы ей дали завтрак — ту же овсяную кашу, что и постояльцам, и кружку крепкого чая. Она ела за тем же столиком в углу, где сидела вчера.

Дверь кафе открылась, впуская поток уличного шума и солнечного света. На пороге снова стоял Лавр. Одежда на нем казалась более обжитой. Он выглядел менее призрачным, но таким же уставшим, будто провел ночь в безуспешных поисках.

Он прошел к своему столику в углу и заказал чай. Все тот же, нетронутый чай.

Элиана не стала к нему подходить. Не стала искать его взгляд. Они были похожи на картину двух кораблей, зашедших в одну тихую гавань на ремонт. Каждому нужно было починить свои собственные пробоины, прежде чем снова выйти в открытое море.

11. Язык простых вещей

Из-за своей стойки тетя Агата наблюдала за ней пристальным, изучающим взглядом.

«Ты не из наших краев, — констатировала она. — По глазам видно.»

Элиана молчала. Она не была готова говорить о «Салоне Иллюзий». Это казалось другой жизнью, сном, который приснился кому-то другому.

«Не надо рассказывать, — отмахнулась тетя Агата, прочитав ее мысли. — У каждого здесь своя история. И у большинства — с грустным концом. Но пока человек дышит, конец — не конец. Всего-то пауза.»

Она подошла к столу, поставила перед Элианой кружку с парящим бульоном.

«На. С хреном. Прочищает мысли.»

В этот момент дверь кафе распахнулась, и внутрь ворвалась молодая, растрепанная женщина с испуганным лицом. В ее объятиях был завернут в одеяло маленький ребенок, который тихо, но настойчиво хныкал.

«Тетя Ага, — голос ее дрожал, — он опять горячий... А у меня ни гроша до завтра...»

Тетя Агата, не говоря ни слова, жестом подозвала женщину к стойке, налила в миску того же бульона и отломил кусок хлеба.

«Садись. Корми. самого напой, по ложечке.» Потом она повернулась к Элиане. «Сбегай к Марье, травнице. Скажи, что от меня, для Мишкиного мальчонки. Знает, что дать.»

Ветер ударил в лицо. Она стояла, дезориентированная, не зная, где искать эту Марью. Кроме прилегающих окрестностей к прошлому салону, город был для нее декорацией.

Она пошла наугад, свернула в первый же переулок и остановила пожилую женщину с корзиной белья.

«Простите... где тут травница Марья живет?»

Женщина с любопытством оглядела ее с ног до головы и указала направление.

«Второй поворот налево, дом с зелеными ставенками. Только злая она сегодня, осторожней.»

Элиана шла по незнакомым улицам, чувствуя на себе любопытные взгляды. Ее платье, бледность, отрешенность — все выдавало в ней чужую. Но сейчас это не имело значения.

Она нашла дом с зелеными ставенками. Постучала. Дверь открыла худая, суровая женщина с седыми, туго заплетенными косами.

«Чего?» — буркнула она.

«Мне... от тети Агаты. Для Мишкиного мальчонки. Жар сбить.»

Марья, травница, внимательно посмотрела на нее.

«Ладно... Жди.»

Она скрылась в глубине дома, и вскоре вернулась, сунув Элиане в руки маленький холщовый мешочек.

«Заваривать как чай. По чайной ложке три раза в день. И чтоб Агата долг не забыла.»

Элиана кивнула и, крепко сжимая мешочек в руке, пошла обратно.

Вернувшись в кафе, она отдала мешочек тете Агате и вернулась к своему столику, глядя снова на свои руки. Теперь они пахли травами.

12. Первый снег

Воздух стал колючим и прозрачным, словно стекло. С утра небо затянулось плотной, молочно-серой пеленой, обещавшей скорую перемену. К полудню с неба начали падать первые робкие снежинки. Редкие, одинокие, тающие на еще теплой земле.

Элиана, выглянув во двор, замерла на пороге, наблюдая за этим тихим чудом. В «Салоне Иллюзий» смена времен года почти не ощущалась. Там всегда царила искусственная, законсервированная атмосфера. Настоящий снег она не видела... как давно? Годами.

Лавр, вышедший следом, остановился рядом. Он протянул руку, поймал снежинку на кожаную перчатку и внимательно разглядывал ее сложную, невесомую структуру, пока она не растаяла.

«Он тает.»

«Все настоящее рано или поздно тает, меняется или уходит, — ответила Элиана, не глядя на него. — Иллюзии — нет.»

Тетя Агата, появившись в дверях, с удовлетворением осмотрела небо.

«К вечеру заметет как следует. Пора утепляться.» Она бросила оценивающий взгляд на их легкую одежду. «Вам обоим нужны нормальные вещи. Нельзя в лохмотьях по зиме ходить.»

После обеда она отвела их в крошечную заднюю комнату, служившую одновременно чуланом и пошивочной. В углу стоял старый дубовый сундук. Тетя Агата откинула крышку. Внутри лежали аккуратно сложенные вещи. Добротные, хоть и поношенные шерстяные свитера, плотные штаны, теплые платки, валенки разного размера.

«Это от прежних времен, — пояснила она, роясь в содержимом. — Кто что оставил. Кое-что перешивала. Берите, что подойдет. Даром.»

Элиана нашла для себя шерстяную юбку темно-синего цвета и теплую кофту. Вещи оказались чужими, несли в себе память о других жизнях, других судьбах, но они были чистыми и прочными.

Лавр, после некоторых раздумий, выбрал себе грубые штаны из плотной ткани и толстый свитер с высоким воротником. Он снял свой старомодный пиджак, символ его прежней, призрачной жизни, и аккуратно повесил его в угол. В новом обличье он выглядел... проще. Приземленнее. Но более реальным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.